

Раушан
Байгужаева

ВАЛЬС ЮНОСТИ

Рассказ

Львиная доля того, о чем я пишу, имеет непосредственное отношение к моему детству, отрочеству и юности. Точно я, двигаясь по руслу судьбы, периодически оглядываюсь в прошлое. Астрологи пролили свет на это обстоятельство, объяснив его ретроградными планетами в моей натальной карте: время от времени они задумчиво останавливаются и смотрят назад, будто забыли там нечто важное. И тогда на меня сыплются ворохи разных историй и просто эпизодов из прошлого, которые моя феноменальная память хранит в скрупулезной первозданности, вплоть до красок и оттенков, вкусов и ароматов, ассоциаций и чувств, не говоря уже об именах и прозвищах людей, меня окружавших, их одежде, характерах и причудах...

Звали ее Диляра, училась она двумя классами выше. Обозначить ее глаза обычными эпитетами «голубые» или «синие», было бы кощунством, ибо они искрились и сверкали, как два лазурита с множеством граней. И, в зависимости от настроения, меняли цвет от ярко-василькового до темно-незабудкового. Ее нежное светлое лицо с тонкими трепетными ноздрями тоже играло, отражая даже самые мимолетные чувства, становясь то мертвенно-бледным, то густо-малиновым. А когда она смеялась своим сочным смехом, обрамлявшие лицо каштановые кудри мелко дрожали.

Нельзя сказать, что Диляра была стройна, как тополек. Этому противились набравшие сок бедра, обещавшие в будущем заметно отяжелеть. Но пока ей было всего пятнадцать лет, и она шла по жизни легкой походкой, вряд ли осознавая всю прелесть своего естества.

Надвигался очередной районный смотр художественной самодеятельности, посвященный празднику революции, и школьный музыкант Нина Кузьминична рьяно взялась за подготовку. Инструментами в этом деле были ее закадычный друг аккордеон и жажда прославить школу, заняв первое место. Почва для ее честолюбивого желания, подкрепляемого полупросьбой-полуприказом директора, существовала в виде группы активных старшеклассников.

Самым главным из них был Коля Бондаренко из одиннадцатого – высокий атлет с открытым лицом комсомольского вожака. Мне он казался взрослым муж-

чиной, и каждый раз, встречая его в коридоре школы, я удивлялась присутствию здесь этого зрелого молодого человека, которого легко можно было принять за учителя физкультуры.

Далее в списке значился десятиклассник Сережа Шабалдин. По моим представлениям, он был настоящим красавцем. Причем красота его была старомодной, словно он явился к нам прямо с бала, устроенного каким-нибудь графом или князем в Петербурге девятнадцатого века. Рассеянный, устремленный в никуда взгляд светло-серых глаз, прямой, безупречной формы нос и круглый изящный подбородок с ямочкой посередине – именно таким я видела героя того времени. Сходство это подчеркивали самые настоящие бакенбарды, запрещенные в стенах школы, но магическим образом упорно не замечаемые учителями.

Следующий член этой команды ничем особым не отличался, разве что своим рвением активиста-общественника, и не оставил в моей памяти какого-либо значительного следа. Звали его Алиев Марат.

В голове нашей изобретательной Нины Кузьминичны возникла идея поставить на сцене композицию «Вальс юности», которую она нашла на страницах популярного журнала «Молодежная эстрада». В ней должны были принять участие три пары, и в довольно короткие сроки они были отобраны. Трое представленных выше ребят заполучили партнерш, с которыми в ближайшие дни должны были репетировать под началом аккордеонистки.

Я сгорала тайным желанием кружиться в вальсе с Сережей и кляла судьбу за то, что так поздно появилась на свет. Увы, я была всего лишь шестиклашкой и довольствовалась участием в литературном монтаже смотра, декламируя стихотворение, прославлявшее вождя. Стихи перемежались революционными песнями под аккомпанемент того же аккордеона. Но зато после репетиции литмонтажа наступал черед композиции, и мы с подружкой Наташей оставались в классе, чтобы наблюдать это волнительное зрелище.

Демонстрируя силу и ловкость, ребята быстро сдвигали парты и ставили их друг на друга, освобождая площадку для «Вальса юности». Этот вальс очаровал нас с Наташкой с первых нот, а от проигрыша мы впадали в тихое блаженство, чувствуя, как все наши члены и даже органы танцуют в такт звукам, извлекаемым Ниной Кузьминичной из аккордеона. В этом месте следует отметить одну милую деталь, свидетельствующую о чувствительной натуре нашей музыкантши: у инструмента было имя – Димон.

Вопреки нашим ожиданиям, Диляра досталась не Шабалдину, а Коле Бондаренко. Благородному Сереже в пару назначили коренастую Валю Яншину с обликом фабричной работницы. Алиеву повезло еще меньше: его напарница Шура Мамедова, подрабатывавшая в школе уборщицей, часто не успевала на репетицию, и ему приходилось танцевать с воображаемой партнершей. Мы смеялись, Алиев конфузился, Нина Кузьминична шикала на нас, и это повторялось всякий раз, пока не появлялась шумная, голосистая Шура.

В этой композиции много было различных фигур, пары расходились, девушки соединялись в центре круга, образованного ребятами, потом опять сходились со своими партнерами и кружились вокруг них. Но будоражащими для нас были именно парные движения классического вальса.

Показав все «па» танца, Нина Кузьминична накидывала на себя Димона, как фардук, выставляла вперед правую ногу и, слегка отклонившись назад, начи-

нала играть. Надо сказать, что в шестидесятые, о которых идет речь, почти все старшеклассники умели танцевать вальс. Причем у ребят это получалось даже лучше, чем у девушек. Лидером в этой группе оказался, как мы и ожидали, наш любимец Шабалдин. Он так легко водил тяжеловесную Яншину, словно она была миниатюрной балериной. И только спустя время я поняла, что половину его успеха справедливо будет отнести в пользу Валентины. А произошло это в связи с Дилярой.

Как выяснилось, она совсем не умела танцевать. Ясно было, что Нина Кузьминична взяла ее чисто за внешние данные и собиралась сделать примой. Диляра бабочкой влетала в класс, ослепляя всех лазуритовыми глазами и осыпая нежным щебетом, но стоило Коле положить руку на ее тонкую талию, как она превращалась в «корову на льду». Так ее окрестила в сердцах наша терпеливая музыкантша на четвертой по счету репетиции. После этих слов Диляра с малиновым лицом выскочила из класса. Коля последовал за ней. Назревал провал. Все приуныли. Аккордеонистка с тяжелым вздохом опустила своего Димона на стул, а сама приземлилась на соседний.

– Не, ну я так не могу работать. – пожаловалась она в пространство, возможно, воображаемому директору. – Сроки поджимают, а она совсем как ватная кукла.

– Может, пока не поздно, заменить ее? – спросила Шура, сверкая лихими цыганскими глазами.

– Поздно, – обреченно сказал Сережа. Остальные подавленно молчали.

Мне до слез было жаль Диляру. Я никак не хотела верить в ее бездарность. Разрядил обстановку вошедший Бондаренко.

– Нина Кузьминична, не беспокойтесь, я беру на себя обучение Диляры. – произнес он твердо, точно брал сокобязательство на комсомольском собрании.

– Мне нужно три дня.

Коле сразу поверили, такая шла от него несокрушимая сила, как от атомного ледокола «Ленин». Музыкантша улыбнулась, обнажая испачканные вишневым помадой зубы, и нежно, как собаку, погладила свой аккордеон.

– Ну, хорошо. Только учти, всего три дня!

Теперь Бондаренко с Дилярой каждый день оставались одни репетировать. Чтобы им никто не мешал, Коля брал ключи у технички.

Мы с Наташкой пытались по очереди подглядывать в замочную скважину, но увидеть ничего не могли, так как Бондаренко предусмотрительно оставлял ключ в скважине. Это еще больше разжигало наше любопытство. Однако вряд ли то, что двигало нами, можно было назвать простым любопытством. Нам было по тринадцать лет – возраст, когда пробуждается интерес к противоположному полу. За неимением собственного предмета влюбленности мы переключались на тех, у кого эта влюбленность могла произойти.

На третий день у меня созрел дерзкий план: остаться в классе после уроков и спрятаться под задней партой. Наташка была крупнее меня, и перспектива провести на корточках битый час ее не совсем устраивала. Но, к счастью, она быстро согласилась.

Наташка внесла ценное рацпредложение: сидеть на сумках. Они были набиты до отказа учебниками и тетрадами и могли служить неплохим сиденьем. Чтобы исключить разговоры между собой, мы сели под разные парты. Увы, щелочки между партами явно было недостаточно для обозрения, но выхода у нас не было.

Нам недолго пришлось томиться в ожидании. Сначала пришел Коля и, бросив папку на стол, начал убирать передние парты в проходы. Мы замерли, боясь шевельнуться. Но Коля был так сосредоточен на своей работе, что даже не смотрел в нашу сторону. Потом появилась Диляра. Она, как всегда, была в своем коричневом форменном платье с белым кружевным воротничком-стойкой и будничном черном фартуке. Однако с ее появлением что-то вдруг поменялось в классе. Как будто света стало больше, и пробежал легкий ветерок. Так бывает, когда в спектакле вступает в свою роль главный герой, которого с нетерпением ждут зрители.

Они кивнули друг другу в знак приветствия. Диляра положила сумку на ближайшую парту и замерла, опустив руки вдоль тела. Коля закрыл двери на ключ и подошел к ней.

– Ну, давай начнем! Сегодня последний день, – сказал он бодрым и одновременно строгим голосом балетмейстера. – Ты все движения уже выучила наизусть, осталось только все соединить вместе со мной. Это как учишься читать: сначала слоги разучиваешь, потом складываешь их в слова. Поняла?

Она кивнула. Он вывел девушку на площадку перед доской и положил руку на ее талию. Они начали танцевать под Колино: «раз-два-три». Я отметила, что Диляра танцует лучше. Это была далеко не та «корова на льду», которая так раздражала аккордеонистку. Но чего-то главного не хватало в ее движениях! Того, что танец делает танцем и заставляет смотреть, затаив дыхание.

– Хорошо! Хорошо! – подбадривал ее Коля. Но Диляра вдруг остановилась.

– У меня не получается, – сказала она с тоской, глядя в пол.

Коля взъерошил короткий ежик на голове и вздохнул.

– Иди, посиди, подумай, почему у тебя не получается, – сказал он, отвернувшись к доске и словно тут же забыл о ней.

Диляра побрела и села за третью парту. Коля быстро написал на доске какое-то математическое уравнение и начал решать его, бойко постукивая по доске мелом. Я посмотрела на Наташку. Она не отрывала взгляд от Коли, будто вместе с ним решала уравнение. И я уставилась в спину Диляры. Плечи ее и голова были горестно опущены. Два аккуратных калачика кос, перехваченных бантами, нежная шея, выглядывающая над воротничком. «Девочка моя!» – вдруг сказал кто-то внутри меня, и сердце мое затрепетало в неизмеримой жалости и любви к Диляре. В следующий миг произошло то, что происходило со мной во время просмотра фильмов и чтения книг. Если там я перевоплощалась в любимых героев и некоторое время еще жила их чувствами и мыслями, то здесь я перевоплотилась в реального человека. Или попросту стала Дилярой.

Став ею, я услышала ее мысли: «Эх, Коля, разве ты не видишь, почему у меня не получается? Потому что мне надо смотреть тебе в глаза, а я не могу. Мне кажется, если я посмотрю в твои глаза, то со мной что-то случится. Как будто я умру. И я не могу тебе сказать об этом...»

В это время Коля поставил точку и с сияющим лицом повернулся к ней.

– Что, получилось? – спросила она, шурясь, как на солнце.

– Получилось! – победно провозгласил он, вытирая руки тряпкой. – А у тебя?

Диляра пожала плечами. Но внутри она почувствовала восхищение им и ভালুবолалась его уверенной и сильной фигурой победителя. И эти восхищение и любовование сейчас для нее были гораздо важнее ее самой.

– Ну ладно, пошли, что-нибудь придумаем! – воскликнул Коля.

Диляра поднялась из-за парты и медленно пошла к нему. Все происходило, как в кино: шаг за шагом она приближалась к его протянутой руке, и сердце ее колотилось. Вот его испачканная мелом рука. Такая мужественная и крепкая, что хочется, чтобы он всегда держал твою ладонь в своей. И защитил тебя, дав обидчику тумака. Вот другая рука – властно и бережно ложится она тебе на талию. Глаза ее упираются в его грудь. Под белой рубашкой выпуклые мускулы «Раз-два-три, раз-два-три...» Опять всё то же самое. Какая-то неодолимая стена. Она такая тонкая и невидимая, но ее невозможно отодвинуть.

– Смотри мне в глаза, – говорит вдруг Коля.

Кровь фонтаном бросается Диляре в голову, и лицо мгновенно покрывается малиновой краской. Он угадал!

– Смотри мне в глаза, – повторяет Коля.

«Нет! Нет! Я боюсь!» – кричит все ее существо.

– Не бойся, – тихо произносит он.

Диляра медленно-медленно, как по крутой скале, ползет взглядом по нему вверх. Пуговичка рубашки, еще одна, отдых. Верхняя пуговичка расстегнута, дальше ямочка на шее и торчащий кадык. Отдых. Выступающий, чисто выбритый подбородок. Губы. Верхняя губа совсем тонкая. Тут Диляра неожиданно почувствовала опасность, словно повисла над скалой. И испуганно порхнула вверх, сразу к глазам. И ухнула в них, как в озеро. «А-ай, мама! Пропала!» – пронеслось в голове, и она зажмурилась.

– Открой глаза! – властно прозвучал голос Коли над самым ухом.

Диляра замотала головой, и вдруг ей стало очень одиноко, точно она осталась одна на вершине скалы. Диляра повернулась на удаляющиеся шаги, Коля уже открывал дверь.

– Не уходи, Коля! – зазвенел ее голос так отчаянно, как никогда не звенел раньше. Коля остановился. – Я... я буду смотреть тебе в глаза...

Он подошел и снова взял ее за талию. Руки ее сами по себе взлетели вверх, подобно птицам. Левая доверчиво легла ему на плечо, правая уютно опустилась в ладонь. Диляра подняла голову. Глаза их встретились. Серо-голубое озеро его глаз приняло ее в свои упругие воды, и она поплыла... И вместо Колиных «раз-два-три» зазвучал «Вальс юности». Ее руки, ноги да и все тело, каждая его клеточка, будто слились с каждой клеточкой Колиного тела. И это чудо происходило благодаря слиянию глаз. Они двигались, ведомые этой таинственной силой, и рисунок танца создавался сам собой. Я незаметно разъединилась с Дилярой и снова стала зрительницей. О, какой это был великолепный рисунок! Я чуть не задохнулась от восторга и посмотрела на Наташку. Подруга показала большой палец.

Пара остановилась и замерла, сверкая счастливыми глазами и выравнивая дыхание.

– У меня получилось? – спросила Диляра тихо.

– У нас получилось, – так же тихо ответил Коля.

Мне хотелось плакать и смеяться одновременно. В носу защекотало и – о ужас! – я не смогла остановить чих, как бы крепко ни зажимала нос. Наташка обожгла меня убийственным взглядом. А я съезжилась и зажмурилась, как будто от этого могла превратиться в невидимку.

И тут колокольчиком зазвучал смех Диляры. Нет, там был целый колокольчиковый оркестр! Ей вторил глухим смехом Бондаренко. Я разлепила веки. Они стояли в проходе и смотрели на нас так весело, как смотрят дети в цирке на самые блистательные клоунские репризы.

Присутствовавший на генеральной репетиции директор одобрил программу, ограничившись парой замечаний ребятам, игравшим кюи-наигрыши на домбре. Он даже взял домбру и сам сыграл трудный кусок. Уже покидая актовый зал, директор вдруг повернулся к аккордеонистке и спросил:

– Как называется этот вальс?

– «Вальс юности»! – закричали мы хором.

Директор тепло улыбнулся, кивнул и зашагал дальше.

– Фу, пронесло! – облегченно произнесла музыкантша, осеняя себя крестным знаменем.

Потом был смотр в райцентре, и весь зал на одном дыхании смотрел наш «Вальс юности», в котором на фоне других пар Диляра и Коля создавали настоящее чудо. А раскрасневшаяся Нина Кузьминична энергично аккомпанировала на своем Димоне, притопывая в такт выставленной вперед ногой и с гордостью созерцая свое творение. Да, музыкантша не ошиблась в Диляре: она стала примой.

Несмотря на грандиозный успех, первого места нам не дали, мотивировав недостатком «коммунистических идей». Об этом нам сообщил директор. Вопреки нашим ожиданиям, он похвалил всех участников смотра, а музыкантше объявил благодарность.

– Не, я не понимаю, какие еще коммунистические идеи? – недоуменно спросила аккордеонистка, глядя в спину удалявшегося из актового зала директора.

– Может, нам надо было красные косынки надеть? – предположила Шура Мамедова.

– Какие еще косынки?! – простонал Сережа, возводя глаза к небу.

– Да не расстраивайтесь вы, Нина Кузьминична! – воскликнул Коля. – Второе место тоже хорошо! Правда, Диляра?

– Правда! – засмеялась та, рассыпая колокольчиковые трели. Потом тряхнула кудрявой челкой, подскочила к музыкантше и крепко обняла ее.

Я еще долго продолжала лелеять в душе пережитое и купаться в истории любви Диляры и Коли, поскольку свято верила, что танец случился благодаря их чувствам друг к другу. Но Наташка высмеяла мои фантазии, и мы с ней чуть не поссорились. Она утверждала, что чудо сотворил один Бондаренко, а Диляра лишь слепо подчинилась ему. Только тогда до меня дошло, что Наташка влюбилась в Колю и ревнует его к Диляре. И было непонятно, почему она в этом не хочет признаться.

Я, наверное, тоже была влюблена в Колю. Но при этом мне ничуть не мешала Диляра. Ведь я и ее любила! Они были для меня чем-то единым, вроде дерева и земли. Речки и берега. Неба и солнца. И в этом было много радости и много света. Той радости и того света, которые никогда не обернутся печалью и тьмой...

